

大正九年四月二日第三種郵便物認可
アロロシ一第二十九號附録

Ю. Д. Романовскій

**УКРАИНСКІЙ
СЕПАРАТИЗМ
И
ГЕРМАНИЯ**

1920 г.

Японія. г. Токио.

ЦѢНА 25 о.

Украинскій сепаратизм и Германія.

*„И побѣдоносныя знамена освободителя Украины, германскаго кайзера, развѣваются в степяхъ вольной Украины.....“ (львовская украинская газета „Дѣло“, авг. 1914 года).
Нѣмец обезьяну выдумал (русская народная поговорка).*

В глазах иностранцев Россія всегда была и, вѣроятно, долго останется классической страной неожиданностей и чудесных превращеній. Однако в русской жизни бывают такія явленія, которыя должны поражать не только иностранцев, но и нас самих, русских. К числу такихъ явленій, несомнѣнно, надо отнести такъ называемый украинскій сепаратизм, конечнымъ стремленіемъ котораго является полное отторженіе от остальной Россіи вѣтви русскаго народа, положившаго начало Русскому государству и русской культурѣ.

Историческая, этнографическая и культурная связь Малороссіи с остальной Россіей не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію. Русское государство возникло в Кіевѣ. Владимір Святой, Ярослав Мудрый и Владимір Мономах были чисто русскими князьями и носителями первой русской государственности. Кіевская Русь оставила нам в наслѣдство „Слово о полку Игоревѣ“, лѣтописи Нестора и первое русское творчество в области созданія правовых отношеній в лицѣ „Русской Правды“. Из Кіева на сѣвер двинулось христіанство, да и самое слово „русскій“, объединившее славянскія племена, населявшія на зарѣ русской исторіи теперешнюю Россію, пошло отсюда же. Русская государственность шла с юга Россіи на сѣвер, а не наоборот, и Москва явилась лишь преемницей Кіева послѣ разгрома Кіевской Руси татарами. Даже, отторгнутый от остальной Россіи, Кіев продолжал играть роль русскаго культурнаго центра и вліяніе его на Московскую Русь в этот період не отрицают сами украинскіе сепаратисты.

Отрицаніе тѣсной исторической и культурной связи между Южной и остальной Россіей является абсурдом. Отрекаясь от своего проплагаго, отказываясь от связи с остальной Россіей, украинскіе сепаратисты тѣмъ самымъ отказываются от самих себя и ставят малорусскую вѣтвь русскаго народа в положеніе народа без проплагаго.

Своими центробѣжными стремленіями сепаратисты эти лишь облегчили версальскимъ вивисекторамъ отторженіе от Россіи Червонной Руси, Буковины и русскихъ территорій, переданныхъ в Версаль Польшѣ и Румыніи. Раз—по толкованію украинцев—населеніе этихъ территорій исторически и органически не связано с Россіей и представляетъ собой народности, отличныя от русской, то доказать смысл самостоятельнаго существованія этихъ народностей и оспаривать претензіи на указанныя территоріи со стороны Польши, Румыніи и Чехіи—довольно трудно.

В сущности говоря, весь украинскій сепаратизм построен на самой грубой казуистикѣ и софистикѣ, могущей импонировать лишь иностранцамъ, не знакомымъ с русской исторіей. Начать с того, что наименованіе малорусскаго населенія „украинцами“ является полнѣйшей исторической, этнографической и географической безсмыслицей. Украиной (по рус-

ски—окраина), примѣрно с 16 столѣтія, поляки называли часть территории к востоку от Днѣпра. Административное управление этой областью было сосредоточено в руках *воеводы русского*; другими словами, даже поляки не отрицали русского происхожденія населенія Украины. Слово „украинец“—понятіе географическое, а отнюдь не національное и ничѣм не разнится от понятій пскович, москвич, сибирякъ и т. д., которыя являются не показателями національнаго происхожденія даннаго лица, а указаніем географическаго пункта его осѣдлости, ибо псковичем, сибиряком или украинцем может быть не только русскій, но еврей, нѣмец или латыш, словом—представитель любой народности.

Главнымъ конькомъ украинскихъ сепаратистовъ является утвержденіе, что Украина заселялась не только выходцами изъ южной и центральной Россіи, но и изъ Польши и Крыма. Выходцы эти и образовали украинское казачество, народность—отличную отъ русской. Такая аргументація, конечно, не выдерживаетъ серьезной критики, ибо, в концѣ концов, всѣ выходцы, попавшіе на Украину, за исключеніемъ евреевъ, принимали православіе и органически сливались съ коренной русской массой.

Совершенно такимъ же путемъ образовались и прочія казачества, какъ напримѣр—Донское, Уральское и Оренбургское, но это не мѣшаетъ имъ считать себя коренными русскими.

Но даже, если согласиться съ украинскими сепаратистами, что к востоку отъ Днѣпра образовалась особая украинская народность, то все же остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ населеніе Волыни, Подоліи, Червоной Руси в одинъ прекрасный день обратилось изъ русскаго в украинское.

Не напоминаетъ ли в данномъ случаѣ украинская аргументація анекдот, в которомъ спрашивается, почему в Голландіи производятся селедки, сыр и полотно—голландскіе, а королева называется—Нидерландской?

На такихъ грубыхъ подтасовкахъ построены всѣ догмы украинскихъ сепаратистовъ. Для обоснованія этихъ догмъ имъ приходится отречься не только отъ Кіевской и Галицкой Руси, но отрицать существованіе самой Россіи и слова русскій. Передъ нами небольшая брошюра „L'Ukraine économique“, официально изданная украинской финансовой миссіей в Швейцаріи на французскомъ языкѣ. В статистическомъ отдѣлѣ брошюры при перечисленіи національностей, населяющихъ Малороссію, указано, что на территоріи послѣдней проживаетъ 32 милліона украинцевъ и $3\frac{2}{16}$ милліона *московитовъ*. Брошюра, впрочемъ, обѣщаетъ в близкомъ будущемъ и ихъ украинизировать. Такимъ образомъ, однимъ росчеркомъ украинскаго пера болѣе 90 милліоновъ русскаго народа, населяющаго центральную и Сѣверную Россію и Сибирь, обращается в московитовъ. Дальше этого, казалось бы, идти некуда. Если украинскія догмы построены на сплошной казуистикѣ, то в практической жизни вся тактика вождей украинскаго сепаратизма сводится къ натравливанію малороссовъ на великороссовъ. Для этой цѣли примѣняется самая безшабашная демагогія. Екатерина Великая прикрѣпила населеніе лѣво-бережной Малороссіи къ землѣ и лишила его нѣкоторыхъ вольностей, но виноватымъ в этомъ оказывается весь русскій народъ, хотя самъ онъ в то время пребывалъ подъ крѣпостнымъ режимомъ и с голосомъ его самодержавная Императрица, конечно, не счита-

лась. Независимо от сего, если население лѣво-бережной Малороссіи было урѣзано в нѣкоторых правах, то население Кіевской губерніи, Волыни и Подоліи от воссоединенія с Россіей лишь выиграло, ибо было избавлено от польскаго ярма, несравненно болѣе тяжелаго, чѣм крѣпостное право. В итогѣ украинскій сепаратизм — к тому же, как придется говорить ниже, созданный сравнительно небольшой кучкой людей—явленіе настолько парадоксальное и противоестественное, не пустившее глубоких корней в народной массѣ, что едва ли бы с ним пришлось считаться, если бы он не получил своевременно поддержки извнѣ и не направлялся опытной и систематической рукой германскаго инструктора. К несчастью, однако, отдѣленіе Малороссіи от Россіи составило главную основу нѣмецкаго плана „Drang nach Osten“ и здѣсь надо искать объясненіе нѣкоторых успѣхов украинскаго сепаратизма. Если, как говорится, луна дѣлается в Гамбургѣ, то там же приходится искать и главную подоплеку украинскаго движенія. Как в свое время вожди большевизма были водворены в Россіи заботливой рукой германскаго генеральнаго штаба, и получали средства для своей тлетворной пропаганды из Берлина, так и вожди украинскаго сепаратизма были австро-германскими клиентами. Посильное освѣщеніе этой стороны украинскаго сепаратизма по документальным данным русскаго генеральнаго штаба и составляет нѣмь настоящаго очерка.

Пьемонтом современнаго украинскаго сепаратизма в опытных руках австро-германских режиссеров послужила Галиція.

До минувшей войны у нас мало интересовались жизнью Червонной Руси. Вѣка, проведенные под польским рабством, конечно, не могли не оставить своего отпечатка на наслѣдіи Данила Галицкаго.

Всѣ верхи, весь наиболѣе культурный класс галицкаго русскаго народа совершенно ополячился и потерял всякую связь с народной массой. Но послѣдняя свято хранила свои старые обычаи, продолжая себя считать народом русским. Приглядываясь внимательнѣе к галицкому крестьянству, сквозь поверхностный слой польской наносной культуры, в его обычаях, вѣрованіях и укладѣ его жизни видна старая Русь. Она слышна и в напѣвах карпатских лембов и гуцулов и громко говорит языком народных легенд и народной поэзіи. Даже архитектура старых галицких деревянных церквей до нельзя схожа с архитектурой тѣх старинных храмов, сохранившихся в Вологодской и Архангельской губерніях, которые считаются образцом русскаго зодчества, времен сѣдой старины. Національная жизнь галицкаго народа теплилась около церквей и хранителем ея было, главным образом, духовенство. Культурным центром этой жизни являлась Львовская Ставропитія. Начиная от изданій Львовской Ставропитіи и кончая надписями на сохранившихся памятниках старины и на могильных крестах, всюду видна полная связь кореннаго населенія Галиціи с русской народностью и русским языком. Даже всѣ посланія уніатских митрополитов и надписи на стѣнах собора Св. Георгія в Львовѣ, ставшаго впоследствии цитаделью украинскаго сепаратизма и лагитизація галицкой церкви, написаны на языкѣ, почти не отличающемся от обще-русскаго, который, таким образом, почитался литературным языком русскаго населенія Галиціи. С воссоеди-

неніем Волини и Подолія с Россіей была завязана культурная связь между послѣдней и Галиціей. В Галицію начинает проникать русская книга и в XIX вѣкѣ там начинает пробуждаться національное самосознание и культурное тяготѣніе к Россіи.

До восьмидесятих годов прошлаго столѣтія австрійское правительство мало интересовалось укладом жизни народной массы Галиціи. В невѣроятно тяжелых экономических условіях, совершенно обезличенный, галицкій крестьянин прозябал под прессом польских помѣщиков и арендаторов-евреев, но в то же время отличался своей лояльностью к центральной австрійской власти. В бурные дни австрійской революціи 1848 года и венгерскаго возстанія галичане боролись с польскими повстанцами, а комплектуемые ими австрійскіе полки обнаружили большую стойкость в борьбѣ с венграми. За вѣрную службу Францу Іосифу русскіе галичане удостоились от послѣдняго прозвища „тирольцев ближняго Востока“ и он пожаловал им сине-желтый національный флаг. Современные украинскіе сепаратисты не нашли ничего лучшаго, как объявить этот знакъ нѣмецко-габсбургской „ласки“ символом „самостійной Украины“.

Разрыв Россіи с Австріей и заключеніе германо-австрійскаго союза повлекли за собой рѣзкое измѣненіе внутренней политики австрійскаго правительства в Галиціи. Пробуждающееся національное самосознание Червонной Руси и ея культурная связь с остальной Россіей не могли не встревожить Австріи. Усердіем нѣмецких ученых русское населеніе в Галиціи в один прекрасный день обрапается в особую національность: сперва в—рутенгов, а затѣм—в украинцев^{*)}. Австрійское правительство начинает в Галиціи энергичную борьбу с русской культурой. Первоначально австрійцы преслѣдовали лишь оборонительную задачу—отстоять Галицію от поглощенія ея Россіей. Однако, по мѣрѣ того, как связи между Вѣной и Берлином становились все тѣснѣе и тѣснѣе и руководство австрійской внѣшней политикой переходило в руки Германіи, оборонительный австро-германскій союз обратился в наступательный. В связи с этим и возник в Берлинѣ план—использовать Галицію в качествѣ плацдарма украинскаго сепаратизма, долженствующаго в конечном итогѣ привести к отторженію всей Малороссіи от Россіи и присоединенію ея к коронѣ Габсбургов. Естественно, что для насильденія украинскаго сепаратизма в Червонной Руси нѣмцы должны были, прежде всего, обработать соотвѣтствующим образом церковь и школу. Унія мало измѣнила православный облик галицкой церкви и ея внѣшнюю обрядность. Как мы уже указывали выше, духовенство было главным носителем русской идеи. Поэтому руководство галицкой церковной жизнью было возложено австрійским правительством на тѣ его элементы, которые, хотя и составляли меньшинство, но тяготѣли к католичеству и были приверженцами Рима. Началась ярая латинизація галицкой церкви. Соотвѣтствующей настойчивой работой в духовных училищах австрійским правительством был создан кадр духовенства, воспитанный в духѣ слѣдую-

^{*)} Мы неоднократно видѣли в галицких церквах гравюру, изображающую крещеніе Русси Св. Владиміром с нѣмецкой надписью: „Крещеніе рутенов“.

повиновенія Риму и ненависти к православію, а, слѣдовательно, и к Россіи, какъ к его главному ослоту. Вслѣд за этимъ началось ярое преслѣдованіе представителей духовенства, настроенныхъ руссофильски и придерживающихся православнаго обряда. Все это проходило упорно и систематически. В латинизаціи церквей австрійское правительство дошло до того, что запретило капитальный ремонтъ деревянныхъ церквей в Галиціи, а такъ какъ при бѣдности населенія большинство церквей были деревянные, то онѣ, конечно, скоро стали приходить в ветхость. Для замѣны таковыхъ церквей каменными правительствомъ былъ отпущенъ особый фондъ, но всѣ новыя церкви строились исключительно по образцу костеловъ с открытыми алтарями, и все напоминавшее православіе было изъ нихъ изгнано.

Если латинизація церквей и галицкаго духовенства потребовала со стороны австрійскаго правительства упорной работы, то украинизація школы представила болѣе легкую задачу, ибо низшая народная школа была поставлена в Галиціи крайне слабо, а среднее и высшее образованіе находилось исключительно в польскихъ рукахъ. В школьномъ вопросѣ австрійскому правительству пришлось не ломать школьную жизнь, а создавать ее заново. Подборомъ соответствующаго педагогическаго персонала и созданіемъ средней школы, в подростяющемъ поколѣніи были посѣяны сѣмена полнаго отчужденія от Россіи, и создана та интеллигенція, которая, потерявъ свой народный обликъ, стала слѣпой игрушкой в рукахъ Вѣны и Берлина. Къ тому же руссофобія служила лучшимъ аттестатомъ для поступленія на коронную службу и мѣриломъ служебнаго усердія.

Центральными фигурами в дѣлѣ созданія и насажденія украинскаго сепаратизма надо признать митрополита графа Андрея Шептицкаго и профессора М. Грушевскаго. Графъ Шептицкій—потомокъ стараго русскаго галицкаго рода. Изъ рода Шептицкихъ вышло нѣсколько униатскихъ митрополитовъ, портреты которыхъ до нынѣ украшаютъ стѣны собора Св. Георгія в Львовѣ. С теченіемъ времени Шептицкіе приняли католичество и совершенно ополячились. Родной братъ Андрея Шептицкаго занималъ видную должность в австрійской арміи, дослужился до чина генерала и сейчасъ состоитъ в польской арміи. Будущій митрополитъ началъ свою службу в одномъ изъ австрійскихъ уланскихъ полковъ, но затѣмъ, подъ вліяніемъ своей матери, набожной католички, перемѣнилъ мундиръ на рясу одного изъ іезуитскихъ орденовъ. Іезуиты рѣшили использовать Шептицкаго в цѣляхъ пропаганды католицизма в Галиціи и подъ ихъ вліяніемъ онъ принимаетъ унию, а затѣмъ быстро выдвигается ими на роль галицкаго униатскаго митрополита. Онъ былъ главнымъ работникомъ в дѣлѣ латинизаціи галицкой церкви, но вмѣстѣ с тѣмъ постепенно в рукахъ Шептицкаго сосредоточиваются всѣ нити украинскаго сепаратическаго движенія и онъ сталъ главнымъ довѣреннымъ лицомъ Берлина по проведенію в жизнь австро-германскаго плана отторженія Малоросіи от Россіи. В 1914 году, послѣ высылки русскими военными властями Шептицкаго изъ Львова, в стѣнахъ митрополичьей резиденціи былъ найденъ замуравленнымъ в стѣнѣ его архивъ со всѣми документами, относящимися къ работѣ Шептицкаго в этомъ направленіи. В свое время намъ удалось познако-

миться с копиями с этих документов, и мы можем засвидѣтельствовать, что они буквально охватывали всё вопросы, связанные с видами Австро-Германіи на Малороссію. Начиная от вопросов, касавшихся предстоящей оккупации Малороссіи Германіей и весьма важной перепиской с Берлином и кончая сношеніями с русскими украинскими сепаратистами и даже простыми шпионами, все можно было найти в этом архивѣ. С другой стороны архив этот наглядно убѣждает нас в одном отдаленном явленіи. Несмотря на упорную работу Австро-Германіи в дѣлѣ насажденія украинскаго сепаратизма, несмотря на огромныя средства, затраченныя для этой цѣли, судя по этому архиву, число активных сторонников этого движенія в предѣлах Россіи было настолько незначительно, что буквально может быть исчислено только десятками. Главнѣйшіе из них будут нами указаны ниже. Одновременно с работой по украинскому вопросу Шептицкій, по порученію Рима, руководил вообще и іезуитско-католической пропагандой в Россіи. Читатели, вѣроятно, помнят появленіе в Петроградѣ старо-католическаго пропагандиста священника Зерчаминаова, бывшаго одним из агентов Шептицкаго. Для своих цѣлей Шептицкій не брезгал даже простым шпионом и неоднократно переодѣтым, с фальшивыми документами, лично появлялся в предѣлах Россіи.

Ближайшим сотрудником Шептицкаго являлся профессор Грушевскій, автор „Исторіи Украины“. Пронирательный, хитрый и чрезвычайно сребролюбивый Грушевскій приглашается австрійским правительством для занятія кафедры украинской исторіи в Львовском университетѣ, а затѣм на него возлагается составленіе того знаменитаго волачука, который впоследствии был объявлен официальным украинским языком. Уже одно то обстоятельство, что подозрительные австрійцы не побоялись пустить в Львов русскаго подданнаго—достаточно свидѣтельствует о полной их увѣренности в Грушевском. Послѣдній дѣйствительно оправдал их надежды, создав не только свою знаменитую „мову“, но и катехизис украинскаго сепаратизма. Он же являлся главным апостолом этого сепаратизма в предѣлах Малороссіи и поставщиком шпионов для австро-германскаго генеральнаго штаба. Организовавъ в Галиціи кадр сепаратистов, австрійское правительство повело через них пропаганду идеи отторженія Малороссіи уже в самой Россіи. Революціонное броженіе, охватившее постепенно всю Россію, не могло, конечно, не коснуться и Малороссіи. Лозунги революціонных партій в Малороссіи были тѣ же, что и в остальной Россіи и какого-либо специфическаго мѣстнаго характера партіи эти не носили, тѣм болѣе, что программа русских революціонных партій, сводившаяся къ организація будущей Россіи на федеративных началах, вполне удовлетворяла малороссов. Но незначительная часть так называемой „украинской революціонной партіи“ попала в сѣти, услужливо подставленныя ей Берлином и, отколовшись от остальных революціонных и социалистических партій, стала вторить германским соловьям, проповѣдуя отторженіе Малороссіи от Россіи и образовавъ, так называемый, „союз вызволенія Украины“. В союзѣ этом, наряду с социалистическими догмами, отлично уживался самый пошлый провинціальный провинциализм. Судя по документам Шептицкаго, главными воро-

тилами этого союза были русскіе подданные: Маріан Меленевскій, Жук, Желѣзняк (Зализняк) и В. Дорошенко. В сущности говоря, партія эта являлась какъ бы филиалом австро-германскихъ правительственныхъ сепаратистов и число членовъ ея в Россіи было незначительно. Но, щедро снабжаемая средствами из Вѣны и Германіи, она получила возможность повести самую широкую пропаганду. Вся агитаціонная литература этой партіи печаталась в Львовѣ и Черновицахъ с вѣдома австрійскихъ властей. Часть ея с пропагандой отдѣленія Малороссіи получила право хожденія в Галиціи, носящая же социалистическій, а тѣмъ болѣе аграрный характер, предназначалась исключительно для Россіи и препровождалась туда при содѣйствіи австрійской жандармеріи. Наряду с этимъ на тѣ же средства „вызволенцы“ повели анти-русскую агитацію и в другихъ странах, особенно в Америкѣ. Вся ихъ дѣятельность режиссировалась Шептицкимъ и Грушевскимъ.

Насильственная украинизація Галиціи, конечно, встрѣтила протестъ в лучшей части галицкой интеллигенціи, исповѣдовавшей культурную и національную связь с Россіей, а также и в народной массѣ. Хотя казенные сепаратисты объясняли это движеніе исключительно просками русскаго правительства, но мы категорически утверждаемъ, что послѣднее стояло от него совершенно в сторонѣ, всячески стараясь избѣжать какихъ либо политическихъ осложненій с Германіей и Австріей. Для борьбы с руссофильскимъ теченіемъ австрійское правительство инсценировало знаменитые процессы в Мармарош-Сигетѣ и львовскій процессъ Бендасюка. В своемъ усердіи в искорененіи руссофильства в Галиціи австрійцы дошли до того, что храненіе сочиненій русскихъ классиковъ или Евангелія на русскомъ языкѣ почиталось ими государственнымъ преступленіемъ.

В 1914 году, незадолго до войны, в Вѣнѣ состоялось тайное совѣщаніе по украинскимъ дѣламъ, на которомъ, кромѣ членовъ министерствъ иностраннаго и военнаго, присутствовалъ графъ Берггольд, Шептицкій и ни болѣе, ни менѣе какъ главный большевистскій агентъ и одновременно германскій шпионъ знаменитый Парвус (Тельфанд). На этомъ совѣщаніи были окончательно установлены предстоящія мѣропріятія послѣ занятія Малороссіи австро-германской арміей. Планъ предстоящей дѣятельности Австріи в Малороссіи, разработанный в деталяхъ, с намѣченными лицами для занятія административныхъ должностей, былъ также найденъ в архивѣ Шептицкаго. Одновременно Грушевскій, проживавшій в Галиціи и бывшій в курсѣ всѣхъ этихъ плановъ, черезъ особо довѣренныхъ лицъ поддерживалъ сношенія со своими агентами в Россіи.

Какъ только началась война всѣ украинофильствующія газеты затрубили побѣдные гимны императору Вильгельму, а Меленевскій с компаніей выступилъ в Болгаріи с призывомъ болгаръ немедленно выступить противъ Россіи на сторонѣ Германіи. Событія, однако, сложились не такъ, какъ рассчитывали наемники Берлина. Русская армія, разбивъ на голову австрійцевъ, побѣдоносно вступила в Львовъ. Грушевскій хотѣлъ бѣжать в Вѣну, но былъ задержанъ русскими властями. Несмотря на явную государственную измѣну, русское правительство ограничилось высылкой его на востокъ Россіи. Митрополиту Шептицкому, в уваженіе къ его сану, было разрѣшено оставаться в Львовѣ, но онъ, конечно, зло-

употребил оказанным ему доверіем и продолжал вести антирусскую агитацію. Это принудило русскія военныя власти выслать и его в Россію. По прибытіи в Россію Шептицкій отправил Русскому Императору привѣтственное посланіе с поздравленіями по поводу побѣд русской арміи, с выраженіем своей глубокой радости, что Червонная Русь, наконец, воссоединилась с остальной Россіей и увѣреніями в своей вѣрности русским идеалам. Даже доверчивый и деликатный покойный Император возмутился новой низостью этого вѣрнаго слуги Берлина и наложил на посланіи Шептицкаго резолюцію, гласившую одно слово: „Аспид“.

С объявленіем войны по всей Галиціи и Буковинѣ начались аресты так называемых руссофилов. Самая невинная симпатія, выраженная когда-либо в прошлом Россіи, или даже чтеніе русских книг были достаточным поводом для обвиненія в государственной измѣнѣ и заточенія в тюрьму. Многие из заключенных были казнены. Через наши руки прошло нѣсколько фотографических снимков, снятых с повѣшенных австрійскими властями галичан за руссофильство, усердно распространяемых агентами украинских сепаратистов среди населенія Галиціи. Все это творилось с благословенія Шептицкаго, и в роли доносчиков, шпионов и вѣпателей неизмѣнно выступала его вѣрная паства. Та же картина наблюдалась и при очищеніи русскими войсками Галиціи весной 1915 года. Вслѣд за отходом русских войск начиналась жестокая расправа со всѣми крестьянами, оказавшими гостепрѣимство или самыя ничтожныя услуги русским войскам. Пораженія на австрійском фронтѣ не заставили, однако, настойчивых нѣмцев отказаться от своего плана—отторженія Малороссіи от Россіи. Прежде всего они образовали в Австріи и Германіи особые лагеря для русских военно-плѣнных, уроженцев Малороссіи. Находящіеся в таких лагерях плѣнные пользовались, по сравненію с остальными русскими, нѣкоторыми льготами, и лагеря эти стали питомниками украинскаго сепаратизма. Для обработки военноплѣнных в духѣ этого сепаратизма туда были командированы учителя и даже профессора из Галиціи. Антирусская пропаганда велась с той настойчивостью и систематичностью, на которую способны только нѣмцы. Малѣйшій протест против этой пропаганды со стороны военно-плѣнных карался самым суровым образом. Необходимо указать, что плѣнные русскіе офицеры, уроженцы Малороссіи, за самым ничтожным исключеніем, несмотря на всѣ уговоры и даже запугиванія нѣмецких комендантов, от содѣйствія нѣмцам в этой работѣ рѣшительно уклонились.

Ближайшим сотрудником германских властей по организаціи таких лагерей был русскій подданный Скорописъ-Іолтуховскій, если не ошибаемся—бывшій член 1-й Государственной Думы. Фамилія его, как одного из важных агентов, также фигурировала в архивѣ Шептицкаго. Послѣ русской революціи этот ренегат начал собирать среди военно-плѣнных солдат-малороссов в Германіи и Австріи подписи на петиціи, требующей немедленнаго отдѣленія Малороссіи от Россіи. Отказ от подписи под этой петиціей грозил непокорным строгими наказаніями, поэтому неудивительно, что Скоропису удалось собрать среди военноплѣнных довольно внушительное число подписей.

В тѣх-же лагерях нѣмцами были организованы особыя шпионскія отдѣленія, послѣ обученія в которых люди переправлялись через германскій фронт на русскую сторону под видом бѣжавших из плѣна. Им давалась задача заниматься шпионажем в пользу Германіи и украинской пропагандой.

Надо отмѣтить, что большинство воспитанников этих школ шпионажа шло туда с исключительной цѣлью так или иначе вырваться из германскаго плѣна и по возвращеніи в Россію не только не выполнило возложеннаго на них нѣмцами порученія, но чистосердечно о нем доложило начальству. Но были, конечно, и такіе, которые служили нѣмцам вѣрой и правдой, тѣм болѣе, что труд их оплачивался прекрасно.

В одном из лагерей из военноплѣнных был образован курень сѣчевигов Тараса Шевченко. Курень был сформирован из военно-плѣнных, наиболѣе поддавшихся украинской пропагандѣ. Во главѣ куреня стоял русскій прапорщик Шаловал. Люди куреня были обмундированы в малороссійскіе кафтаны и пользовались нѣкоторой свободой. Согласно нѣмецким планам, Курень Шевченко должен был в будущем послужить кадром украинскаго войска. Появившись в період петлюровщины в Россіи, люди этого знаменитаго куреня и были главными виновниками всѣх творившихся в Малороссіи грабежей и насилій и тѣлохранителями Петлюры и его ближайшаго сотрудника австрійскаго офицера—атамана Коновальца.

Послѣ занятія Львова русскими войсками главари украинскаго сепаратизма собрались в Вѣнѣ, гдѣ основали свой центр около, так называемаго, Украинскаго клуба. Возглавляли этот клуб уроженцы Галиціи барон Василько и Левицкій. Филиалы клуба находились: один в Лозаннѣ, другой в Стокгольмѣ. Во главѣ швейцарскаго бюро стояли граф Тышкевич, поляк, крупный землевладѣлец, и русскій подданный Степанковскій. Имена того и другого часто встрѣчались нам при просмотрѣ документов графа Шептицкаго. Руководителями стокгольмскаго бюро были названные нами раньше Меленевскій, Дорошенко и К-о. На австро-германскія средства бюро эти вели украинскую пропаганду в нейтральных странах и сносились с агентами этой пропаганды в Россіи, поддерживая тѣсную связь с германским развѣдывательным отдѣленіем и занимаясь шпионажем в пользу Германіи. Первенствующую роль в послѣдней области сыграло стокгольмское бюро.

Какъ извѣстно, нейтралитет Швеціи во время войны былъ весьма одностороннимъ. Всѣ ея симпатіи были на сторонѣ Германіи. Стокгольмъ не только былъ избранъ важнымъ центромъ для германскаго шпионажа на русскомъ фронтѣ, но въ послѣдствіи нѣмецкое правительство препровождало черезъ стокгольмскіе банки кредиты на веденіе большевистской пропаганды в Россіи, а шведскіе дипломатическіе курьеры поддерживали связь между вождями большевизма и агентами германскаго правительства, находящимися в Стокгольмѣ. Что касается шведскихъ консульскихъ представителей в Россіи и особенно персонала шведскаго краснаго креста, взявшихъ на себя защиту австро-германскихъ военноплѣнныхъ в Россіи, то формированіе изъ этихъ плѣнныхъ особыхъ отрядовъ

для большевиков в значительной степени было делом рук некоторых из этих представителей. Понятно, при таких связях между Германией и Швецией, работа стокгольмского украинского бюро протекала при особо благоприятных условиях.

Если мы обратимся к трудам, изданным по украинскому вопросу на иностранных языках, то увидим, что большая часть этих трудов вышла в свет в Берлинѣ послѣ 1914 года. Появился цѣлый ряд таких же изданій на французском и англійском языках; послѣднія предназначались, главным образом, для Америки. Научная и историческая цѣнность всѣх этих трудов, изданных на нѣмецкiя средства, болѣе чѣм сомнительна, но они являются показателем необычайной энергии Германіи в дѣлѣ пропаганды украинскаго сепаратизма и говорят, какое важное значеніе она придавала украинскому вопросу.

Что касается вѣнскаго украинскаго клуба, то он разсылал из Вѣны во всѣ нейтральныя страны телеграммы о насиліях, якобы чинимых русскими в Галиціи с протестом против ареста ни в чем неповинных Шептицкаго и Грушевскаго, святых страдальцев за національную идею. В одной из таких телеграмм украинофилы жаловались на конфискацію у Шептицкаго архива с цѣнными старинными грамотами и документами, связанными с украинской культурой. Какого рода были эти „старинные“ документы и их отношеніе к культурѣ Галиціи—было указано нами выше, но что они были дѣйствительно весьма цѣнными в смыслѣ пролитія полнаго свѣта на работу Германіи в дѣлѣ культивированія украинскаго сепаратизма—отрицать, конечно, не приходится. Поэтому тревога нѣмецких наймитов за судьбу архива Шептицкаго была весьма понятна.

Такова, в общих чертах, была работа Германіи в украинском вопросе в період от начала великой войны вплоть до русской революціи.—

Революція, а вѣрнѣе слабость и маниловщина временнаго правительства, до крайности облегчили дальнѣйшую работу Германіи в дѣлѣ осуществленія ея грандіознаго плана—расчлененія живого организма Россіи.

Послѣ сверженія Императорскаго правительства, Грушевскій, проживавшій в Симбирскѣ, успѣшил вернуться в Кіев и стать во главѣ организованной им центральной украинской рады. В то же время временное правительство, несмотря на всѣ данныя о дѣятельности Шептицкаго в Галиціи и его связях с Берлином, успѣшило освободить его и, вмѣсто высылки за границу, предоставитъ ему полную свободу проживания и передвиженія по Россіи. Мало того, Керенскій не нашел ничего лучшаго, как вернуть Шептицкому весь тот архив, о котором мы упоминали выше. По счастью, совершенно случайно, с большинства наиболее важных документов этого архива были сняты копии, дающія полное освѣщеніе дѣятельности этого политика в монашеской рясѣ, ненавистника Россіи и вѣрнаго слуги Германіи и Рима, сыгравшаго первенствующую роль в дѣлѣ организаци украинскаго сепаратическаго движенія. Как истый іезуит, он вновь злоупотребил оказанным ему временным правительством довѣріем и в теченіи двух мѣсяцев, прове-

денных в Россіи послѣ своего освобожденія, возобновив сношенія со старыми своими агентами, не мало поработал для направленія их дѣятельности.

Совмѣстная работа главарей украинскаго сепаратизма Шенгицкаго и Грушевскаго сказалась весьма быстро. В Кіевѣ, а затѣм по всей Малороссіи, началась самая безшабашная проповѣдь необходимости немедленнаго отдѣленія Малороссіи от Россіи и заключенія сепаратнаго мира с Германіей.

На первых порах своей дѣятельности Грушевскій получил отпор оттуда, откуда он менѣе всего ожидал—со стороны кіевскаго совѣта рабочих и солдатских депутатов. Совѣт этот в то время еще не был захвачен большевиками и потребовал от Грушевскаго объясненія его сепаратических тенденцій. Блудливый и трусливый Грушевскій немедленно выступил с разьясненіем, что его не так поняли, что его связи с Германіей не болѣе как злостная клевета реакціонеров, что он не мыслит об отторженіи Малороссіи от Россіи, и конечным его стремленіем является лишь культурная автономія Украины в тѣсном единеніи с Россіей. Совѣт удовольствовался разьясненіем Грушевскаго, но послѣдній, послѣ полученнаго урока, обставил свою работу чрезвычайной конспиративностью. Конечныя цѣли Грушевскаго и Шенгицкаго были извѣстны лишь главным воротилам центральной рады. Для рядовых членов рады, в видѣ программы-максимум, был выдвинут федеративный принцип и культурная автономія. Сношенія Грушевскаго с Вѣной и Берлином, конечно, тщательно скрывались.

В это же время на кіевском горизонтѣ появился и пресловутый Петлюра. Бухгалтер по профессіи, он в теченіи всей войны уклонялся от воинской повинности в одном из учрежденій союза городов.

Недурной оратор и безпринципный демагог—он с успѣхом начал выступать на украинских митингах и, снискавъ довѣріе Грушевскаго, был назначен секретарем рады по военным дѣлам.

Одной из ближайших задач рады было созданіе собственной вооруженной силы, для обезпеченія себя от чьего-либо давленія, вродѣ указаннаго нами вмѣшательства в его работу кіевскаго совѣта. С этой цѣлью рада самолично сформировала курень Богдана Хмѣльницкаго. Курень был укомплектован в буквальный смыслъ всяким сбродом, преимущественно—злостными дезертирами, которых поступленіе в курень избавляло не только от наказанія за дезертирство, но и от необходимости идти на фронт. Моральныя качества куреня мало смущали вожакъ рады. Они были им даже на руку, ибо, играя на шкурных интересах своих тѣлохранителей, Грушевскій мог питать полную увѣренность в их слѣпом повиновеніи. Сброд этих опричникъ натворил впоследствии не мало бѣд мирному населенію Кіева, а послѣ провала Петлюры начал перекочевывать к большевикам.

Одновременно рада добилаь от Керенскаго разрѣшенія украинизировать два корпуса на фронтѣ. Одним из этих корпусов командовал генерал Скоропадскій, будущій Гетман, обѣщавшій радѣ свою поддержку в случаѣ ея конфликтов с временным правительством. Не довольствуясь этим, рада стала настойчиво добиваться украинизаціи 25% всѣх

російских корпусов, передачи ей всего Черноморскаго и $\frac{1}{2}$ Балтійскаго флота. Петлюра, не считаясь с центральной властью, разослал по всѣм военным округам телеграмму с призывом ко всѣм малороссам самочинно формировать украинскія части.

Эта сторона дѣятельности центральной рады внесла не мало сумбура в войсковыя части и, вмѣстѣ с большевистскою пропагандой, сыграла не послѣднюю роль в разложеніи и русскаго фронта.

Аграрная реформа Чернова сразу усилила позиціи центральной украинской рады и подняла ея значеніе в глазах населенія Малороссіи. Малороссійское крестьянство также стояло за отчужденіе помѣщичьих земель, но мыслило завладѣніе ими исключительно на правах собственности. Естественно, при такой психологіи крестьянства, бессмысленный проект націонализаціи земли, вылившійся из под пера Чернова, был встрѣчен в Малороссіи крайне враждебно. Депутаціи, отправленные в Петроград, добиться там ничего не могли, и взоры крестьянства обратились на раду, как на защитницу их интересов в аграрном вопросѣ. При таких условіях автономія Малороссіи становилась вполнѣ логичной и продиктованной насущнѣйшими интересами крестьянства.

Само собой разумѣется, что было-бы ошибкой отождествлять это стремленіе к устроенію своей жизни на здоровых началах с сепаратистическими украинскими тенденціями и тайной германской работой, описаніе которых составляет единственную цѣль нашего очерка. Мы глубоко убѣждены, что если-бы в это время перед радой совершенно опредѣленно был-бы поставлен вопрос об отторженіи Малороссіи от Россіи, то подавляющее большинство ея членов, тѣм болѣе крестьянская масса, отвергли бы его самым рѣшительным образом. Об открытом же обсужденіи германскаго проекта—присоединить Малороссію к коронѣ Габсбургов—не могло быть и рѣчи.

Вожаки украинской рады понимали это лучше, чѣм кто-либо, поэтому у них существовало двѣ программы: одна—официальная, основанная на принципах широкаго самоуправленія и автономіи, другая—тайная, извѣстная лишь ограниченному кругу лиц, конечным итогом коей было образованіе, при содѣйствіи Германіи, самостоятельнаго Украинскаго государства.

Союз Украины с Германіей был вопросом рѣшенным, но относительно будущей формы правленія—полнаго единогласія между заговорщиками не было, ибо часть из них стояла за республику, что совершенно не отвѣчало видам Германіи.

Монархическія тенденціи возглавлялись Шептицимъ, Грушевским и галичанами, республиканскія—Виниченкой и Петлюрой.

Россійская разруха, атмосфера полнаго безвластія и взаимной грызни политических партій чрезвычайно упрощали как работу бучки украинских сепаратистов на мѣстѣ, так и сношенія их с Германіей.

Как показал опыт минувшей войны в области шпіонажа и в исползованіи внутренних осложненій у своих противников Германія не имѣла соперников. Для пораженія Россіи были пущены в ход всѣ средства, начиная с придворных интриг и кончая пропагандой большевизма. Тысячи невидимых нитей связывали Берлин с его сознательными

и бессознательными агентами в Россіи. Нити эти тянулись через дипломатическія канцеляріи нейтральных стран в Петроградъ, через банки и торговыя операціи, подпольную работу партіи большевиков и т. д. словом, касались всѣх сторон экономической и социальной жизни Россіи.

До какой виртуозности доходили нѣмцы в этих сношеніях свидѣтельствует слѣдующій факт. Перевод денежных средств на большевистскую пропаганду через банки мог возбудить подозрѣніе русских властей, поэтому, как это было обнаружено в дѣлѣ сотрудника Лѣнина—Козловскаго, нѣмцы пересылали из Швеціи в Петроград какіе-нибудь товары. В данном случаѣ фигурировала большая партія карандашей. Товары эти, не возбуждая ничего подозрѣнія, распродавались, а вырученныя деньги шли на подпольную работу большевиков. Такими же путями Берлин питал и пропаганду украинскаго сепаратизма.

Тѣм не менѣе, несмотря на то, что Грушевскій и его единомышленники обставили свою дѣятельность большой конспиративностью, русскому генеральному штабу удалось в теченіе лѣта 1917 г. собрать исчерпывающія доказательства их сношеній с Германіей.

Первоначально было обращено вниманіе, что, при обмѣнѣ военноплѣнными инвалидами, нѣмцы стали препровождать в Россію совершенно здоровых людей, преимущественно—уроженцев Малороссіи. Наблюденіем и опросом их удалось установить, что они посланы нѣмцами для пропаганды украинскаго сепаратизма и по прибытіи в Кіев должны были получать инструкціи от специальных агентов, группировавшихся около газеты „Новая Рада“, руководимой ближайшим сотрудником Грушевскаго, нѣмцем—Чикаленко.

Вслѣд за этим в Славку явился офицер Ермоленко, передавшій крупную сумму денег, полученную им от германскаго развѣдочнаго бюро для пропаганды. Ермоленко дал существенныя показанія о сношеніях нѣмцев с большевиками и украинскими сепаратистами. Обнаружено было также полученіе Грушевским солидных денежных сумм из-за границы.

Впрочем, главари украинскаго сепаратизма скоро сами расписались в том, что работают на германскія деньги. Лѣтом 1917 г. русским генеральным штабом были опубликованы нѣкоторыя свѣдѣнія из области дѣятельности Шептицкаго и совмѣстной работы украинских сепаратистов с нѣмцами. В отвѣтъ на это стокгольмское бюро, во главѣ котораго, как было указано выше, стояли Меленевскій, Жук и Дорошенко, выпустило брошюру. Надо сказать, что всѣм им было предъявлено обвиненіе в шпіонажѣ в пользу Германіи, а потому даже послѣ революціи появиться в Россіи они не могли. Опубликованных свѣдѣній брошюры не опровергла, а скорѣе подтвердила и не заслуживала-бы никакого вниманія, если бы авторы ея в полемическом усердіи не стали-бы превозносить заслуг Германіи, как естественнаго союзника и покровителя Украины. Авторы брошюры открыто признали свое соглашеніе с Германіей и веденіе агитации на германскія средства стоя на довольно оригинальной точкѣ зрѣнія. По их толкованію—Россія для веденія войны с Германіей занимала средства у своих союзников, Англіи и Франціи, и не видѣла в этом ничего предосудительнаго. Украина.

для войны с Россіей естественно также должна была прибѣгнуть к „займу“ у своего ближайшаго союзника Германіи. Параллель, конечно, довольно смѣлая, но весьма характерная, как доказательство, на каких благоглупостях построен катехизис украинскаго сепаратизма.

В іюнѣ 1917 г в руки нашего генеральнаго штаба попала переписка между председателем швейцарскаго украинскаго бюро, графом Тышкевичем и одним видным румынским дѣятелем, отличившимся гермаофильскими тенденціями. В перепискѣ предлагалось тѣсное соглашеніе между Украиной и Румыніей в цѣлях заключенія сепаратнаго мира с Германіей, причем указывалось, что проект этот встрѣтит поддержку со стороны Грушевскаго.

Наконец, помимо цѣлага ряда других мелких фактов, во второй половинѣ августа 1917 года, при содѣйствіи нашей агентуры, заграницей был перехвачен цѣлый ряд телеграмм, устанавливающих сношенія главарей рады с Вѣной и Берлином, а также двумя главнѣйшими германскими шпиками Гуммерусом и доктором Бордах. Тогда же в Петроградѣ был задержан, пробиравшійся из Швейцаріи в Кіев, секретарь гр. Тышкевича, Степанковскій, давшій цѣнные показанія по этому дѣлу. Характерно то обстоятельство, что Степанковскій, состоя агентом Шелтицкаго, в тоже время был осѣдомителем нашей контр-развѣдки в Швейцаріи.

В итогѣ, к концу августа 1917 г. в руках нашего генеральнаго штаба было собрано достаточно данных для предъявленія Грушевскому и ближайшим его сотрудникам совершенно обоснованнаго обвиненія в сношеніях с Германіей, т. е.—в государственной измѣнѣ. Трагическіе кернатовскіе дни и наступившее вслѣд за ними полное банкротство власти Керенскаго не дали возможности их использовать.

Началась знаменитая кіевская чехарда. Петлюру смѣнил Скоропадскій, Скоропадскаго—Петлюра, того и другого упразднили большевики в лицѣ румынскаго болгарина Раковскаго и т. д. На этих событіях, равно как и на безобразіях и насиліях, творимых в Кіевѣ под сине-желтым габсбургским флагом, мы останавливаться не будем, ибо это не входит в предмет нашего описанія.

Но,— может спросить читатель,—почему-же нѣмцы отказались в дальнѣйшем от услуг своих ближайших агентов и посадили в Кіевѣ гетмана? Да потому, отвѣтим мы, что уклон украинскаго сепаратистов в сторону социализма—особенно намѣченная ими аграрная реформа—совершенно не отвѣчала интересам германскаго императорскаго правительства. Когда украинскій мавр сдѣлал свое дѣло—он был удален, а на его мѣсто посажен болѣе удобный для нѣмцев гетман Скоропадскій. Что-же дѣлал столп украинскаго сепаратизма, Грушевскій, в тѣ минуты, когда прусскіе гренадеры разгоняли ралу? Он просто-на-просто отошел в сторону, заявив, что отказывается от дальнѣйшей политической дѣятельности. Защитник и творец „украинской самостоятельности“ не нашел слова протеста против водворенія в Кіевѣ власти прусскаго генерала Эйхгорна. Тѣсно связанный всей своей предшествующей дѣятельностью с нѣмцами, другого исхода, как наложить на свои уста печать молчанія, найти он не мог.

Что касается Петлюры, то от нѣмцев он благополучно перекочевал к французам, а от французам—к полякам. Если вѣрить малороссійской газетѣ „Правда“, издающейся в Америкѣ, Петлюра купил себѣ поддержку Цилеудскаго цѣною отказа „самостійной Украины“ не только от Галиціи, но и от части Волыни и Подоліи.

Задачей настоящаго очерка было исключительное желаніе посылно освѣтить закулисную работу Германіи в такъ называемом украинскомъ вопросѣ. Къ нашему глубокому сожалѣнію подробные матеріалы по этому дѣлу остались в предѣлахъ совѣтской Россіи. Поневолѣ намъ пришлось ограничиться лишь краткимъ схематическимъ изложеніемъ германской работы на основаніи замѣтокъ в нашемъ дневникѣ. Однако, за точность всего сказаннаго мы ручаемся и надѣемся, что придетъ время, когда всѣ документы, подтверждающіе попытку Германіи отторгнуть Малороссію от Россіи, послужившіе основаніемъ нашего очерка, будутъ опубликованы.

В то-же время мы отнюдь не являемся апологетами дѣятельности русскаго самодержавія в Малороссіи. Еще менѣе склонны мы защищать попытки бюрократическаго Петербурга управлять Россіей, не считаясь с бытовыми условіями ея населенія и централизацію, мѣшавшую свободному развитію русскаго народа. Но пріемъ апостоловъ украинскаго сепаратизма, сводящійся къ использованию ошибокъ самодержавія и русскаго бюрократіи для натравливанія малороссовъ на великороссовъ, мы считаемъ не только пошлой демагогіей, но величайшимъ преступленіемъ передъ обѣими вѣтвями единаго русскаго народа.

Здоровыя вождѣнія различныхъ частей нашего обширнаго отечества, стремленіе ихъ къ широкому самоуправленію—вполнѣ понятны. Они нисколько не противорѣчатъ русскому единству и подсказываются самой жизнью. Но отторженіе Малороссіи от остальной Россіи чревато печальными послѣдствіями не только для русскаго народа вообще, но и для самой Малороссіи. На зарѣ русскаго исторіи Кіевъ былъ „матерью русскихъ городовъ“ и мы глубоко вѣримъ, что такимъ-же онъ останется и на будущее время. Богатѣйшій красочный русскій языкъ, обширная русская литература и русское искусство созданы трудами многихъ поколѣній обѣихъ вѣтвей русскаго народа. Они составляютъ драгоцѣнное достояніе всей русскаго народности, а не достояніе великороссовъ или малороссовъ. Повторяемъ, Малороссія скорѣе можетъ претендовать на первенство в созданіи Русскаго Государства и русскаго культуры, чѣмъ на отторженіе от Россіи.

На стремленіи посвятить рознь среди русскаго народности былъ построенъ весь грандіозный планъ похода германскаго кайзера на Россію. Нынѣ проповѣдь украинскаго сепаратизма привела лишь къ присоединенію искони русскихъ территорій къ Польшѣ, Румыніи и Чехіи. Да иначе и быть не могло. Россія и Малороссія—сіамскіе близнецы. В единеніи ихъ сила, в розни—источникъ слабости и неминуемаго политическаго и культурнаго упадка.

Токогама, ноябрь 1920 г.

Ю. Романовскій.